

Одетая только в нижнее белье и чулки, доходившие до бедра, Мэдлин чувствовала себя почти обнаженной. Она никогда не оказывалась в подобной ситуации. Девушку ещё не трогал, не целовал и не обнимал незнакомый мужчина, ее лицо покраснело, и она уставилась в пол зала галереи.

Диван, на котором она сидела, был мягким, он опускался, когда она садилась. Но каким бы удобным ни был диван, Мэдлин было далеко не комфортно находиться там почти без одежды. Горничная не спрашивала и не разговаривала с ней, она сделала то, о чем ее просил король, и оставила леди одну в комнате. Мэдлин повернулась всем телом, прикрывая лицо руками.

Если бы однажды злой король умер, это было бы потому, что она ударила его ножом, но только в ее воображении.

Затем она услышала шаги в галерее и не повернула головы, чтобы посмотреть на Кэлхуна. Мужчина лишь мельком взглянул на нее и подошел к стене, взял еще одну подставку и свежий холст. Расположив его, вампир начал доставать краски и палитру.

— Как ты себя чувствуешь? - спросил Кэлхун.

— Униженной и злой - девушка стиснула зубы, не скрывая дискомфорта.

— Хорошо. В следующий раз, когда ты попытаешься солгать мне, запомни это - сказал Кэлхун, не глядя на нее, а стоя в углу комнаты и смешивая цвета.

Мэдлин хотела знать, будет ли этот вампир когда-нибудь наказан за свои действия, и в то же время ей пришлось напомнить себе, что он король. Он создаёт и нарушает правила. Он исключение.

Пока Кэлхун что-то делал с палитрой, Мэдлин продолжала неподвижно сидеть на диване, как статуя. Она попыталась успокоиться. Если он разозлится, это только подпитает извращенный разум короля вампиров. В конце концов, большинству ее действия показались бы иррациональными. Девушки часто выходили замуж за лордов, герцогов, королей и других мужчин, которые занимали более близкое положение к королю, поэтому в этом не было ничего нового. Женщины обручались по политическим причинам веками.

Браки часто заключались для создания союзов или для мира, без любви. Девушек еще младше заставляли выходить замуж за мужчин, ложиться в постель, и, думая об этом, Мэдлин закрыла глаза. Она поняла, что разница между этими другими девушками и ею заключалась в том, что они сразу же выходили замуж, в то время как она здесь была всего лишь пленницей, ожидающей замужества. И когда эта мысль пришла ей в голову, она попыталась все обдумать, но это не мешает ей обрести свободу, которой она так дорожит.

Взгляд Мэдлин медленно переместился на Кэлхуна, который вернулся к холсту. Мужчина расслабился, как будто он не сердился больше.

Кэлхун оставил палитру возле стенда и подошел к Мэдлин, его глаза были темнее, чем раньше, и она не знала, было ли это из-за светлой рубашки, которая подчеркивала его глаза.

— Вы рисовали людей раньше? - спросила девушка, которая затаила дыхание.

— Да - ответил ей вампир, его рука коснулась ее лодыжки, и он потянул Мэдлин так, что она растянулась по всей длине дивана:

— И мужчин и женщин.

— Мужчин тоже? - прозвучал любопытный вопрос Мэдлин. Она не могла представить себе обнаженного мужчину, нарисованного Кэлхуном.

Глаза короля встретились с ее глазами:

— В искусстве нет ни мужчин, ни женщин - Мэдлин было просто любопытно:

— Тебе не неудобно так сидеть? - спросил он ее, заметив, как девушка выгнула спину.

— Мне неудобно находиться только в нижнем белье - пробормотала она себе под нос.

— Если это неудобно, мы можем снять его - от его слов глаза Мэдлин расширились, и она резко повернула голову на вампира. Когда его рука коснулась ее плеча, Мэдлин быстро сказала:

— Я в порядке.

Девушка увидела, как Кэлхун улыбнулся. Улыбка медленно и постепенно появилась на его губах, глаза блестели весельем. Он знал, что она была именно там, где он хотел - здесь, с ним.

— Дай мне знать, если найдешь что-то неудобное. Я обязательно помогу.

«Сделаешь все еще хуже» - подумала Мэдлин, ее глаза смотрели на мужчину, и она почувствовала, как он взял пряди ее волос и убрал их за спину:

— Хорошо? - спросил король, ожидая ответа.

— Хорошо.

Если бы она тонула, ей пришлось бы самой спасать себя, потому что просить помощи у этого вампира было бы все равно, что оказаться глубоко под водой. Кэлхун отошел от нее и вернулся

к холсту.

— Расслабься, Мэдлин - услышала девушка его слова:

— Я запечатлю то, что ты мне покажешь, и возьму то, что ты мне дашь.

Мэдлин оторвала от него взгляд и посмотрела на одну из картин, висящих на стене. Ей хотелось бросить на этого мужчину свирепый взгляд, но в то же время, она не хотела смотреть на него.

Кэлхун, стоявший за полотном, был достаточно высок, ему не нужно было отходить от него, чтобы взглянуть на Мэдлин, поскольку его глаза могли прекрасно и ясно видеть ее с того места, где он стоял. Девушка выглядела восхитительно, сидя вот так. Живопись была для него второй натурой, и он привык к обнаженным телам людей, но с Мэдлин все было по-другому. Его привлекала не нагота, а то, как она выглядела сейчас, девушка пыталась скрыть свой стыд, который он видел, когда одевал ее.

Он привык к женщинам, демонстрирующим свои женские части, пытающимся соблазнить его, но они были не чем иным, как объектами для рисования. Он удивлялся, почему, несмотря на то, что Мэдлин была одета в нижнее белье, она казалась самой красивой из всех. Она - искусство, которое он хотел запечатлеть не на своем холсте, а в своих объятиях. Мэдлин выглядела лучше, чем он себе представлял: бледная кожа, красные щеки и бледно-розовые губы, которые были приоткрыты, в то время как глаза опустились, девушка была слишком совершенна.

Мэдлин не знала, как долго ей придется сидеть здесь вот так, как ранее указал Кэлхун, в той позе. У нее начала неметь одна нога, а спина уже болела, но девушка не жаловалась. У Мэдлин была гордость! И она не признавала поражения, когда дело касалось наглого короля.

В пространстве, которое они с Кэлхуном делили, она могла слышать удары карандаша о холст.

Минуты превращались в часы, Мэдлин уже потеряла счет времени. Все это время она чувствовала на себе взгляд Кэлхуна, и ни один из них не произнес ни слова. Она сидела на диване, а он продолжал рисовать ее. Девушка не знала, когда это произошло, ее глаза начали закрываться, так как казалось, прошло уже много часов, хотя на самом деле прошел всего один, ее тело слегка покачнулось, и глаза, наконец, закрылись, Мэдлин уснула на диване.

Кэлхун, который обрисовывал контуры углем, перевел взгляд с холста на девушку, спящую на диване. Одна рука лежала у нее под головой, а другая переместилась на поверхность дивана.

Его темно-красные глаза уставились на нее, оставив холст, за которым он работал, мужчина подошел к тому месту, где она была, и сел, чтобы выровняться с ней. Мэдлин выглядела беззащитной и невинной.

— Ты пытаешься заставить меня влюбиться в тебя еще сильнее? - спросил шепотом вампир, который не донесся до Мэдлин, она крепко спала.

Затем Кэлхун встал и вернулся, заменив холст новым. Он хотел запечатлеть ещё одно искусство, а именно, спящую девушку на диване.

<http://tl.rulate.ru/book/44319/2281297>